

О деревенской школе, семинаре по семиодинамике и синергетике в России

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1465>

3 октября 2012

Собеседник

Баранцев Рэм Георгиевич

Ведущий

Буданов Владимир Григорьевич

Дата записи

Беседа записана 3 октября 2012 и опубликована 21 июня 2017.

Введение

Математик Рэм Баранцев рассказывает о своем детстве, крестьянском быте и родителях: маме, деревенской учительнице, и отце, спасшем семью от клейма членов семьи изменников Родины ценой собственной жизни. Баранцев вспоминает, как к нему относились городские однокурсники во время учебы в Ленинградском университете, и чем отличалось деревенское образование от столичного. Большая часть воспоминаний посвящена увлечению философией и синергетикой. Ученый рассказывает, как организовал семинар по семиодинамике в Ленинградском университете, как семинар разогнали за несоответствие партийной идеологии, и подробно объясняет свои убеждения в этой области и свои интересы в сфере методологии как главного инструмента научного познания.

Владимир Григорьевич Буданов: Сегодня встреча с профессором Санкт-Петербургского университета, лауреатом государственных премий, доктором физ[ико]-мат[ематических] наук, не только замечательным математиком, имеющим достижения в областях прикладной математики и прикладных наук, но и глубоким оригинальным философом, мыслителем, одним из создателей семиотических исследований в Петербурге. Рэм Георгиевич, дежурный вопрос: ваше происхождение, генетические корни, которые побудили вас встать на путь ученого, сегодня явно не столь престижный.

Рэм Георгиевич Баранцев: Когда начиналось, это было все-таки престижно.

В.Б.: Но это все-таки позже, вы же не сразу к науке пришли.

Р.Б.: Ну да. Происхождение — из крестьян. И отец, и мать — крестьяне. Сейчас это Кировская область, была Вятская губерния, север этой области. Природные условия довольно суровые: лето короткое, теплых дней мало, поэтому там и весной, и летом, и осенью крестьянские заботы — сеять, ухаживать за урожаем.

В.Б.: То есть труд, труд и труд.

Р.Б.: Да. Я сначала учился в сельской школе. Рано научился читать.

В.Б.: С какого года?

Р.Б.: Я 31-го года рождения. Вы ведь моложе меня (*смеется*)?

В.Б.: Я — да (*смеется*).

Р.Б.: Пошел я в школу в 38-м, но еще до этого научился читать, причем как-то не очень упорядоченно. Я читал одновременно несколько книг, одна надоеет — я на другую переключаюсь. В первом классе мне разрешали читать все, что я хочу, потому что мне уже было неинтересно, пока буквы там изучали, цифры. Поэтому я с самого начала был таким отличником. Вообще-то меня тогда это не очень задевало и не очень смущало, я это принимал как должное, но не выпендривался.

В.Б.: Это, наверно, и не очень-то было бы естественно в этой среде.

О крестьянском быте и судьбе родителей

Р.Б.: 41-й год. Мать с отцом в Кирове закончили вузы, мама — педвуз, отец — сельскохозяйственный, на агронома, так что у обоих высшее образование. Мать была учительницей истории, потом директором школы, очень строгим, все хулиганы ее слушались.

В.Б.: Ну и хулиганы, наверно, другие были в то время.

Р.Б.: С хулиганами другие учителя не справлялись, а она небольшого роста, но как-то подавляла своим мнением. Такая вроде интеллигентка, хотя происхождение из крестьян, но все это меня побуждало к знаниям.

В.Б.: Вы так сказали: из крестьян. Они уже учительствовали. Значит, это второе поколение из крестьян. То есть ваши дедушка и бабушка были крестьяне?

Р.Б.: Да. Мать была, уже не помню, какой по счету, но одной из последних дочерей, а жили они тогда в избе дымной, не было дымохода. Поэтому она рассказывает, что пока маленькая лежала на полотах, наверху...

В.Б.: Можно ведь и угореть было.

Р.Б.: И как-то не очень беспокоились, думали, что и так хватает детей, меньше, больше. Но она выжила! Деревня была Подгороино, теперь от нее уже ничего не осталось, под горой, конечно; а отец из деревни Хромово, ее какой-то хромой старик основал.

В.Б.: А коллективизация вас как-то касалась?

Р.Б.: Их касалась. Они были активными участниками, оба вступили в партию в 24-м году. Оба были партийными людьми, проводили соответствующую политику. Отец перед войной был поднят до второго секретаря райкома партии. Вторые секретари как раз сельским хозяйством ведали, вот он по своей специальности, как агроном. Ну и был взят на войну в 41-м году, на Ленинградском фронте он был, на Синявинских болотах.

Как-то получили письмо. Цензура пропустила, тогда же много проверок было. «Вчера подстрелили ворону, устроили пир» — это не вымарали, а слова-то говорят о многом. Если подстрелили ворону и устроили пир, значит, голодно было.

В.Б.: Да, даже в войсках, хотя туда все...

Р.Б.: Болота там, фронт трудный. В общем, прошел он всю войну, дослужился до звания капитана, а начал с рядового, и задержался в оккупационных войсках некоторое время, вернулся только в 46-м году, в апреле.

В.Б.: Вы в это время уже старший класс, да?

Р.Б.: В 46-м году в каком же я тогда был классе — в шестом-седьмом... Но он был контужен, серьезная контузия. Причем дело было так, что мать получила письмо от сослуживца, в котором сослуживец писал, что «на моих глазах разорвало снарядом Георгия».

В.Б.: То есть думали, что погиб.

Р.Б.: Но она не показала мне письмо, переживала пару дней сама. А потом пришло письмо от него, более позднее. Говорит, что «рядом разорвался снаряд, меня засыпало, контузило, сейчас вот очухиваюсь».

В.Б.: Это счастье!

Р.Б.: Но его здорово контузило, и он пытался лечиться, но срывался, то есть к мирной жизни он уже оказался неготовым и вел себя неадекватно. Мать страдала, я уже в меньшей степени.

В.Б.: Сколько у вас братьев, сестер?

Р.Б.: Мать родила семерых, все сыновья. Я был третий. Первые двое умерли от простуды, четвертый — кесарево сечение, а потом тоже умирали от воспаления легких.

В.Б.: То есть в итоге вы остались одни?

Р.Б.: Нет. Еще был седьмой, Владимир. Он тоже выжил, но потом умер, у него была операция на сердце неудачная, он умер и похоронен в Москве. Так что я остался один, был третьим по счету, остальные все умерли. Отец вернулся в райзо — районный земельный отдел, но вел себя как на фронте. Его сшибало, как говорится (*смеется*).

Годы были трудные, во время войны колхозы еще существовали и сдавали государству то, что надо было, налог. А в 47-м стали распадаться. И мужиков не осталось, и напряжение уже прошло. Во время войны был напряг, а тут...

В.Б.: Самое голодное, тяжелое время было послевоенное. То есть мобилизационный мотив как бы исчез, и депрессия наступила.

Р.Б.: Из райкома посылались уполномоченные собирать налоги. И вот отец как уполномоченный приехал в село собирать налоги и обнаружил, что собирать нечего. Он понял, что не выполняет партийное

поручение. Перед этим был уже прецедент, когда невыполнивших объявляли врагами народа с соответствующими следствиями, а ведь тогда брали не только «врагов народа», но и был термин такой ЧСВН — члены семьи врага народа. Он понял, что если его возьмут, нас тоже заметут, и решил нас избавить от этого, покончил с собой. Его похоронили, мы оказались вне этой рубрики. Уехали в деревню, мать стала в семилетней школе учительницей, потом директором, а уехала она в деревню, потому что понимала, что трудные годы.

В университетской среде

Мы жили в деревне, я там учился до седьмого класса. Тяга к знаниям уже тогда появлялась, а когда в районном центре в среднюю школу ходил, с восьмого по десятый классы, там и книги соответствующие были. Из зарубежных помню Элмер Смит. Из наших помню гранинские книги, «Иду на грозу».

В.Б.: Романтика такая.

Р.Б.: Да, возбуждали интерес книги. Потом был фильм, чуть позднее, но тоже в этом направлении подействовал, где Смоктуновский и Баталов.

В.Б.: Не «Девять дней одного года»?

Р.Б.: Да, «Девять дней...».

В.Б.: Это 60-е года.

Р.Б.: Это уже потом, но в том же направлении.

В.Б.: А «Фантастика», «Техника молодежи», может быть?

Р.Б.: У нас этих журналов не было, а книги, которые были в библиотеке, читал. Да, золотую медаль я заработал! Но мне ее долго не выдавали, потому что все это утверждалось в Кирове. Я ждал-ждал, в августе получил документы, ехать в МГУ решил, а там уже всех медалистов приняли, надо было на общих основаниях подавать. Решил рвануть в Ленинград. Приехал, была у меня пара адресов родственников и знакомых, я переночевал у кого-то, пошел на 10-ю линию, 33, где матмех, мне сказали: «Будет коллоквиум, приходите». Я не знал, что это такое, а спросить побоялся. Думал, какое-то кино покажут. Вечером пришел — мне сказали: «Профессор не сможет прийти, так что без коллоквиума. Вас поселяют вместе с другими в большой аудитории в левом крыле». Жил я в этой аудитории целый месяц, потом в общежитии. Все студенческие и аспирантские годы прожил в общежитиях, семь лет. А как с учебой шло дело — примерно так, как... У кого же это описано? Олег Куваев такой есть, мой земляк, он описал, как постепенно втягивался в научные круги. Также из деревни родом.

В.Б.: То есть вам было адаптироваться не так просто к городской жизни?

Р.Б.: Я сначала лекции не успевал понимать, аккуратно записывал.

В.Б.: Не успевал, видимо, потому, что все-таки сельское образование не было столь систематичным, интенсивным? У вас самообразование даже скорее было.

Р.Б.: Да оно было нормальным, но не было...

” А выпускники городских школ держались с гонором. Они уже знали, что такое интеграл. Для меня эти слова были неизвестны, поэтому я себя чувствовал несколько принижено, но постепенно овладевал упрямо, и дошло до того, что стал больше понимать и разбираться, к экзаменам готовился.

Пятерки на экзамене меня уже не удивили. Потом ко мне стали обращаться за помощью, и постепенно я почувствовал, что я влился в коллектив и работаю нормально. А на четвертом курсе написал курсовую, которую оценили как дипломную, и я был принят в аспирантуру.

В.Б.: Знаете, я вспоминаю свои университетские годы на физфаке. Я физмат школу кончал: была некая фора, когда поступил. Я задачки решал — щелкал, контрольные писал одной левой. Но через два семестра ребята с периферии оперились, освоились, там же очень много талантливых людей, в глубинке. И тут стало ясно, кто есть кто. Я тоже с красным дипломом закончил, но гонор быстро слетел, потому что одно дело старым жиром жить, другое дело — учиться, трудиться и творить.

Интерес к методологии

Р.Б.: Да. Я в какой-то момент, но это было уже, пожалуй, в аспирантуре, понял, что мне интереснее не столько задачи, сколько методы. Не *что*, а *как* решать.

” Метод я воспринимал как способ воспроизведения в своем мышлении того объекта, который изучаем. Вот как решать? Методы для меня различались точные, асимптотические и эвристические.

В.Б.: Секундочку. Тем самым метод у вас с объектом был все время слит.

Р.Б.: Даже инверсия произошла: сначала метод.

В.Б.: Вот так. Это очень необычный ход рассуждения. У физика это совершенно нехарактерно. А характерна именно прикладная математика, потому что чистая математика — рассуждения о методе, объект здесь — дело десятое. Это, как говорится, идеальные формы, а это вот прикладная математика, то, что в терминах Стёпина называется неклассическая рациональность...

Р.Б.: Я был на отделении механики, кафедре гидроаэромеханики.

В.Б.: Тогда вы как раз прикладник и будете.

Р.Б.: Обычно есть задача — ищут метод, которым ее можно решить, а я начинал с метода и смотрел, какая задача интересна для того, чтобы показать работу метода.

В.Б.: А кто у вас был тогда руководителем? Кто-то ведь вам эти способы мышления вкладывал.

Р.Б.: Это я без руководителя понял. А руководитель был завкафедрой, Сергей Васильевич Валландер, ныне покойный. Он очень хорошо руководил, обучал чутко. Он позволил мне выбрать постановку задачи.

В.Б.: То есть свобода была?

Р.Б.: Да, опекал меня. Потом я защитил диссертацию и остался там ассистентом, потом доцентом, потом профессором. Вот такой путь.

В.Б.: Извините, я перебую. Ход от метода, если брать научные школы, характерен, скажем, для школы Николая Николаевича Боголюбова. Он был матфизиком, но методы для него были важнее, чем конкретные задачи.

Р.Б.: Я его работы изучал потом, когда занялся разреженными газами. Как раз на старших курсах и в аспирантуре меня Сергей Васильевич привлек к аэродинамике разреженных газов, к космонавтике, я этим занялся, но это по работе.

В.Б.: Это уже конец 50-х?

Р.Б.: Да, я закончил в 54-м году факультет, с 55-го по 57-й — аспирантура.

В.Б.: То есть вы к спутнику как раз уже сложились как ученый?

Р.Б.: Да, наблюдать спутник я даже записался в группу.

Семинар по семиодинамике

Интерес к методу привел меня к тому, что мы стали проводить семинары на факультете со знакомыми коллегами, которые этим тоже заинтересовались, у которых интерес к методологии. Мы решили организовать семинар по семиодинамике — динамике знаковых систем. Семиотика уже была, я как-то побывал в Тарту.

В.Б.: У Лотмана, да?

Р.Б.: Да, в Тарту. Мы с ним немножко обменивались письмами, кто-то еще из интересных людей там был, с которыми я уже был знаком. Нас заинтересовали динамические аспекты знаковых систем.

В.Б.: А кто входил в команду?

Р.Б.: С разных факультетов. Мы приглашали из разных мест с докладами: из Москвы, из Сибири.

В.Б.: Я понимаю, но сама постановка задачи под действием каких веяний или, может быть, личностей складывалась?

Р.Б.: Я назову несколько людей, которые у нас работали. С философского факультета у нас были Зобов и Алексеев.

В.Б.: Это все ровесники были или старшие товарищи?

Р.Б.: Алексеев, по-моему, чуть старше. Борис Тимофеевич, кажется. А Зобов Роман Алексеевич здесь сейчас работает. Они тоже заинтересовались нашими идеями. Были и с других факультетов. Были физики, были биологи, и не только университетские люди. Был даже режиссер, Беляк его фамилия. Он сейчас руководит Интерьерным театром. Так что разные люди появились.

В.Б.: А филологи, лингвисты?

Р.Б.: Были и филологи. Лингвист была Шишкина и кто-то еще. Парибок, который сейчас восточной философией занимается, Андрей Вячеславович*, кажется. Он несколько докладов сделал интересных. Так что разные люди собрались.

В.Б.: Это какие годы? Начало 60-х?

Р.Б.: Это чуть позже, начало 80-х**. Я в 70-е годы в основном занимался профессиональной деятельностью. В 70-е мы получили госпремию за работу по разреженным газам.

* Андрей Всеволодович

** Междисциплинарный методологический семинар по семиодинамике работал при Совете молодых учёных Ленинградского университета в 1980–1983 годах. Было проведено 85 занятий и подготовлен к печати сборник трудов.

В.Б.: Это движение в верхних слоях, вхождение спутников.

Р.Б.: У нас было соглашение с фирмой, которой руководил Сергей Павлович Королёв, один раз я даже видел его в его фирме. Так мы влились в эту группу. Двенадцать человек госпремию [получили].

В.Б.: Ну понятно, коллектив.

Р.Б.: От нас было двое, еще от кого-то... Это были 70-е годы.

В.Б.: А вы уже докторскую тогда защитили, или госпремия была до того?

Р.Б.: В 57-м я защитил кандидатскую, а докторскую написал в 62-м, защитил в 64-м, а утвердили в 66-м. Тема была, которую мне предложил руководитель: «Взаимодействие разреженных газов с поверхностями космических аппаратов».

В.Б.: Это важно, вероятно, вхождение в атмосферу, перегревы, все это дело.

Р.Б.: Да, там много было интересного. Я защитил в 64-м году. Потом продолжал этими вещами заниматься, выполняли хоздоговорные работы с фирмой Королёва и еще с одной. А в начале 80-х я занялся методологией, организовали мы этот семинар. Геолог еще один был в числе участников.

В.Б.: А философы-то были? Или они побаивались?

Р.Б.: Они потом доклады делали. В числе организаторов их не было.

В.Б.: А щедровитяне*, вот это крыло?

* Речь идет об участниках Московского методологического кружка, организованного философом и методологом Г.П. Щедровицким.

Р.Б.: Георгий Петрович? Я с ним познакомился на конференции в Борке, Борок в Ярославской области. Была конференция, не помню как она называлась, там впервые я его увидел, услышал доклад. Потом я был у него в Москве на его молодежных семинарах. Там молодежь собиралась, делались доклады. Я его уже тогда оценил очень высоко, хотя не все сразу воспринял. Потом читал его работы. И однажды, когда я работал во Владивостоке два года, он туда приезжал, я там его доклад слушал.

Выступление Георгия Щедровицкого в кафе-клубе Интеграл. Новосибирск, 1967. Источник фото: www.metodolog.ru/node/1845

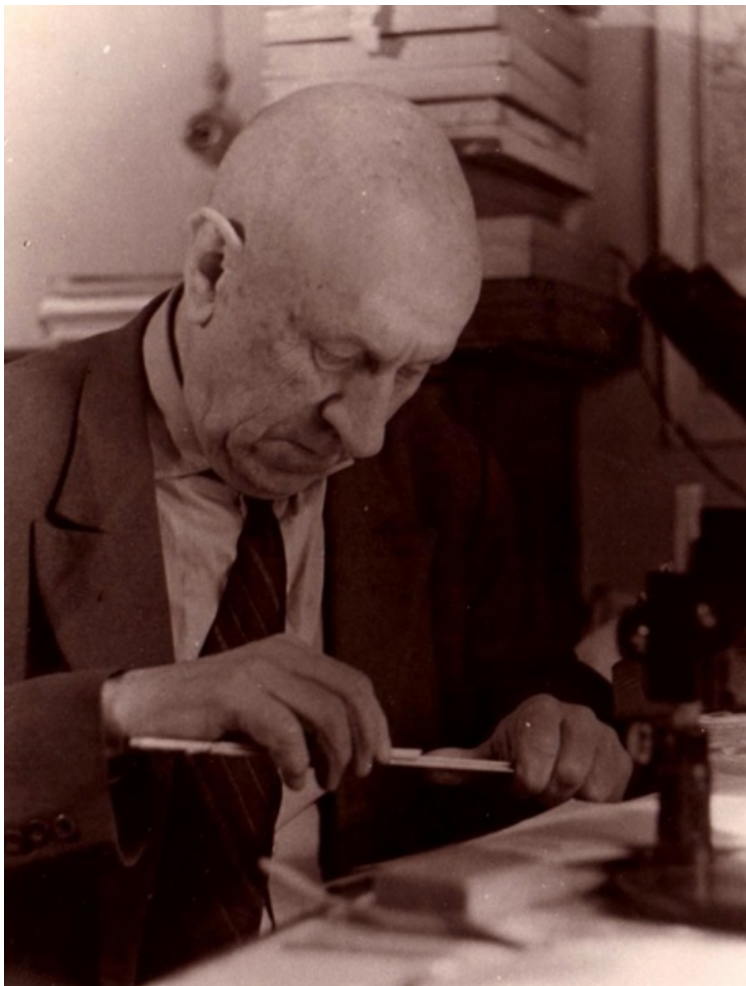
Знакомство с Александром Любищевым

В.Б.: А история с Любищевым? Это параллельно было?

Р.Б.: Да, это было параллельно. Я с ним познакомился, когда он приезжал в Ленинград, делал доклад, и заходил в тот дом, где он остановился у дочери своей. С ним там беседовал.

В.Б.: Какие годы?

Р.Б.: Это было еще в 60-е, по-моему. А потом я съездил к нему в Ульяновск. Там мы с ним дня два беседовали, я стал с ним переписываться и ездил туда на семинары, и когда он скончался... В каком же это было году? Он прожил восемьдесят два года — по-моему, уже в 70-е годы. Я туда слетал на самолете таким странным способом: меня посадили в багажник, потому что не было места, потом где-то высадили, ехал на такси до Ульяновска. В общем, на похороны я попал. А потом я ездил на Любичевские чтения, которые организовали его ученики. Любичев действительно сыграл большую роль в моем увлечении методологией, ведь он тоже методолог. Он доктор сельхоз. наук, но он философ. Мы его работы, которые в архиве были, еще неизданные, издавали. Например, «Линии Демокрита и Платона в истории культуры», «Наука и религия», еще несколько. Я этим ведал как научный редактор, а некоторые книги издавали его ученики в Ульяновске. Это интереснейший человек, который много дал мне в смысле методологии, он тоже был методологом.

Александр Александрович Любичев. Источник фото: www.ulsru.ru

Триада методов

В.Б.: Это подразделение методов вы сами предложили? Эвристические?..

Р.Б.: Такое разделение или различие. Точные методы — это у меня идет от профессии. Асимптотические тоже оттуда, потому что асимптотика как способ исследовать окрестность особенностей, сингулярности, это меня давно привлекало, и они у меня выделились в свой раздел. А эвристические появились, когда

надо было интуитивно ухватить суть. Потом у меня появилась такая семантическая формула: рацию — эмоцио — интуицию. Рациональные аспекты...

В.Б.: Это к метаметодологии уже можно отнести? Метод метода.

Р.Б.: Триада методов, подходов.

Эта тернарная структура меня сопровождает всегда. Она оказалась очень продуктивной, потому что при целостном подходе к любому вопросу оказалось очень интересно и продуктивно различать эти три аспекта: рациональный, эмоциональный, интуитивный.

Понятия эти я использую очень широко, понимая шире, чем это в обиходе сложилось. И это у меня сейчас рабочий инструмент.

В.Б.: Это такое научное творчество, правильно я понимаю, или искусство, может быть?

Р.Б.: Да.

В.Б.: Вот у Юнга, в юнговском кресте есть эти три, но есть еще перцепция — ощущение буквальное, но в научном творчестве не очень понятно, как ее задействовать. Это скорее в танце, пластических искусствах. Эти три в творчестве, конечно, работают.

Р.Б.: Я встречал и тетрады, и пентады, но если поглубже заглядывать в историю, оказалось, что последние века господствовала бинарная концепция: во всем различать две стороны.

В.Б.: Рацию — эмоцио.

Р.Б.: Не совсем так. Скажем, науки — естественные и гуманитарные, в философии — материя и идея. Ну и вопрос «что первично» возникает, когда бинарная концепция. А тернарный подход, когда в основе три, господствовал, или лучше сказать, доминировал в XII веке, потом интерес к нему угас.

В.Б.: Наверно, у греков это было и в раннем христианстве.

Р.Б.: Там трудно выделить, в историю трудно заглядывать дальше, вот XII век как-то отчетливо.

Разгром семинара

Поскольку знаковые системы — это инструмент для абстрактного подхода к любому материалу, у нас доклады делали разные специалисты, очень разные. И я фиксировал обычно доклады.

В.Б.: А можно еще рамки временные? Когда был этот семинар семиодинамики?

Р.Б.: Он начал работать в 80-м году и работал около трех лет. Потом на нас обратили внимание, потому что кто-то из философов заметил, что мы цитируем неправильных философов: не Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а Андрея Белого, например, а это символист, это неправильно.

В.Б.: Декаданс — это вообще...

Р.Б.: Кого мы из западных... Тоже, видимо что-то неправильное. Мы собрали сборник наших трудов, представили в издательство университета, но на нас уже обратили внимание. Сборник отправили на отзыв к заведующему кафедрой диалектического материализма, кажется, Вячеславу Григорьевичу Иванову, которому, видимо, было такое задание разгромить, что он с успехом и сделал. Отзыв разгромный написал на двадцать страниц. Вывод такой, что это надо изъять из издательства, что это идеологически вредный семинар, всех надо привлечь к ответственности.

В.Б.: Дело в том, что, скажем, Щедровицкий опирался на деятельностный подход, это от Маркса шло. Здесь риторика философская была.

Р.Б.: Он разумно поступил, а мы по-глупому как-то.

В.Б.: Но вы, наверно, и не могли найти ни у Маркса, ни у Ленина разговора о символических структурах.

Р.Б. (смеется): Мы особенно и не искали!

В.Б.: И я думаю, что это и не удалось бы. Они были люди конкретные, прагматические, материальные.

Р.Б.: В общем, разогнали наш семинар, многие пострадали, а философы особенно — с них особый спрос. Не допустили до докторской защиты Зобова. Меня отстранили от преподавательской деятельности.

В.Б.: Вы были руководителем семинара?

Р.Б.: Я был одним из руководителей.

В.Б.: А народу сколько примерно было?

Р.Б.: Активных было человек десять—пятнадцать. Ходили тридцать, а однажды до сотни дошло.

В.Б.: На это нельзя не обратить внимание, за вами наверняка наблюдали.

Р.Б.: Да. Многие пострадали: отстранили от работы, вызывали на ковер, в партком и там задавали всякие вопросы провокационные. Я же тогда руководил тремя хоздоговорами.

В.Б.: Да еще, наверно, закрытыми?

Р.Б.: Закрытыми. Конечно. Меня лишили допуска, отстранили от всех этих дел и вообще от преподавания. Я был на преподавательской ставке, поскольку меня от преподавания отстранили, то перевели на хоздоговорную ставку, временную. Хоздоговор заканчивается — значит, и работа кончается. Я тогда прикомандировался во Владивосток, чтобы была работа. Меня охотно отпустили.

В.Б.: С глаз долой, чтобы меньше проблем.

Р.Б.: Да. А семинар признали идеологически вредным, сборник наш прикрыли. Я два года проработал во Владивостоке. Тут у меня с жильем были проблемы, потому что я был на ЖСК на очереди, меня вычеркнули из этого списка. А там у меня и жилье появилось, и коллектив, который меня принял.

В.Б.: Это университет во Владивостоке?

Р.Б.: Да, ДВГУ.

В.Б.: И вы там тоже математикой прикладной [занимались]?

Р.Б.: Да, я там на факультете математики...

Синергетика в России

В.Б.: Я так понимаю, что семиодинамика, как Георгий Геннадьевич Малинецкий полагал, именно в России — это предтеча гуманитарной синергетики. Потому что синергетика, методы нелинейные, они были и в биологии, и в биофизике, и в химии, и теория плазмы... Гуманитаристика синергетическая, то есть информационные вещи, они появляются в работах Хакена ближе к 90-м годам, и у нас этим занимаются еще позже. А у вас это фактически предтеча этой деятельности, гуманитарной синергетики.

Р.Б.: Ну да. Когда я вернулся из Владивостока, как раз началась синергетика, семинары здесь, на философском — Бранский, и семинар по синергетике в профсоюзе ученых — там Басин. Ну и я влился в работу этих семинаров, потому что семиодинамика получила здесь продолжение. Между прочим,

это решение парткома о том, что мы идеологически вредные, в конце концов отменили.

В.Б.: Это еще до или во время перестройки?

Р.Б.: Как раз перед самой кончиной КПСС успела отменить это решение.

В.Б.: Ну что ж, сняли анафему и сами ушли в мир иной.

Р.Б.: Да. В синергетику мы, я и коллеги по семинару, естественным образом влились, потому что здесь знаковый язык тоже помогал.

В.Б.: Конечно. Она ведь является метаязыком своего рода.

Р.Б.: Поэтому когда я был в Москве, попал на лекцию Сергея Павловича Курдюмова, потом подружился со Смоляницким, у вас побывал, с вами контакты хорошие.

В.Б.: С Владимиром Ивановичем Аршиновым. Питерская школа синергетиков — это отдельная страница. Вы, Владимир Павлович Бранский, Басин, Лера Василькова здесь, такие оригинальные...

Р.Б.: Она сначала в Сибири была, потом сюда перебралась.

В.Б.: Да, перебралась, позже. Но защищалась уже здесь, по-моему.

Р.Б.: Да. Помню, у ней был Каган.

В.Б.: Да-да. Она как раз смотрела социокультурные аспекты, хаос социальный, синергетический. Сергей Павлович ее тогда поддержал.

Р.Б.: Да. Вот так появилась синергетика, и мы стали заниматься синергетикой, а знаковые методы, они тут тоже уместны оказались.

О будущем науки

В.Б.: Рэм Георгиевич, я так понимаю, хотя вы иногда, по необходимости, работали в больших коллективах, всегда были волком-одиночкой. То есть у вас были оригинальные идеи, которые вы безоглядно оберегали, поддерживали, развивали. Эта способность не поддаваться веяниям, влияниям чужим — это такой стиль эпохи Возрождения, когда ученых было мало, и каждый из них развивал что-то, что потом оставалось потомкам. Как вы считаете, что у нас произошло с наукой? Есть ли какие-то способы, если не буквального возрождения, то хотя бы какого-то эффективного способа существования и развития? Может быть, это даже не только с Россией проблемы? Каково будущее науки как некоего института, культуры вообще? Есть у Вигнера утверждение, что научные занятия, связанные с исследованием природы, рано или поздно упрутся в границы сложности, границы достижимости каких-то пределов глубины, энергии, масштабов, и дальше еще один шаг будет слишком здорово стоять для человечества. Тем самым, так как мы понимаем продвижение фундаментальной науки, передний край движется, это движение будет естественным образом приторможено.

Р.Б.: Так же, как в ядерной энергетике.

В.Б.: Похоже да. И в термояде. Сколько мы туда ни движемся, все время сложность увеличивается. Это относится к физике элементарных частиц, к астрофизике, теории суперструн. Тоже вещь в себе становится, то есть это почти сфера фантазии — проверять непонятно как. Какое в этой связи ваше ощущение будущего? Что это? Чисто прикладные технологические вещи станут или, может быть, фокус исследования науки сместится с природы на человека, на языковые структуры, семиотические?

Р.Б.: Слово «природа» обычно относится к натуре, естественной природе и, соответственно, к естественным наукам. Но ведь есть и природа в более широком смысле, природа сознания, человека.

В.Б.: Когнитивные аспекты?

Р.Б.: Ну да. Мой коллега и ученик Любищева, Анатолий Николаевич Марасов, в Ульяновске занимается проблемой сознания, вот уже несколько лет пытается все это понять. У меня в переписке с ним возникла такая триада любопытная: со-знание, со-чувствие и со-весть. Под этой матрицей «рацио – эмоцио – интуицию» принцип сочувствия у меня был еще [разработан] с Сергеем Мейеном. Это биолог, который опубликовал статью «Принцип сочувствия» в сборнике каком-то. Он пропагандировал этот принцип в сообществе ученых, где часто возникают дискуссии, которые переходят в перепалку.

В.Б.: Да, и личная неприязнь. Там уже научное смешивается с личным.

Р.Б.: Он взывал к тому, чтобы руководствовались сочувствием к коллегам.

В.Б.: Вы знаете, Колмогоров говорил своим членам совета, математикам: «Самое главное, надо уметь прощать талант другого».

Р.Б.: Хорошо сказал (*смеется*). Слово «сочувствие» мы воспринимаем вместе с этой приставкой «со-», и «сознание» тоже, а вот «совесть»...

В.Б.: Она на самом деле и наша, и не наша.

Р.Б.: Весть — она откуда-то.

В.Б.: Вот именно, откуда-то.

Р.Б.: Слово «совесть» оно отдельно всегда. От слова «весть» оно как-то...

В.Б.: Это в общем-то евангелический аспект здесь всплывает: весть, Новый завет...

Р.Б.: Для меня эта триада получается: сознание — рацио, сочувствие — эмоцио, а совесть — интуицию. Что-то нам дается, какая-то весть, и с этим связана наша совесть.

В.Б.: Если интуицию брать, там разные бывают откровения, не всегда они с совестью связаны.

Р.Б.: Откровения — открываются... Да, на этой почве появилась совесть, наверно.

В.Б.: Знаете, есть такое утверждение, спорное, что подлинное знание открывается человеку нравственному. Тогда у него и интуиция хорошо работает. Но это проблема на самом деле гения и злодея. Гений — это человек, имеющий интуитивную особенность.

Р.Б.: Это, кажется, очень правдоподобно (*смеется*).

В.Б.: Да. Есть такое ощущение, что если человек начинает злоупотреблять какими-то эгоистическими импульсами...

Р.Б.: То дар пропадает.

В.Б.: Да, дар пропадает. В этом смысле интуиция и совесть вещи взаимозависимые должны быть. Как говорят, что нравственность и высокое творчество — вещи естественные, то есть они друг друга сопровождают. Поэтому злодей-ученый — это все-таки, наверно, большая редкость. Мы иногда в фильмах-триллерах видим людей с большой психикой и так далее, но гениальных. В истории это редко встречалось.

Р.Б.: Моцарт и Сальери.

В.Б.: Сальери — это ведь изобретение Пушкина. Сальери был достойнейшим человеком, у них были совершенно другие отношения.

Р.Б.: Сейчас по Пушкину, да?

В.Б.: По Пушкину да. Кстати, «Моцарт и Сальери»: может быть, вашу триаду здесь было бы уместно исследовать на самом этом произведении.

Р.Б.: Это диада, которую дополнить чем-то очень трудно.

В.Б.: Сальери же к третьему началу ревновал, к интуиции... Один эмоционален, жизнерадостен, другой — чётко, а третейским судьей является творческий дар. То есть борьба за эти два начала.

Р.Б.: Но не было человека, который это воплощал.

В.Б.: Да, вот это верно. Но Пушкин — гений, поэтому тема-то не пустая, напротив значимая для людей. Видимо, знаете как: тот, кто уже реализовался в творчестве, у кого совесть и интуиция — вещи, сплавленные вместе, — это одно. А вот когда человек идет туда — они еще пока отдельно, поэтому тема актуальна. То есть пушкинский Сальери — это рассуждение для людей пути, а не для людей, достигших вершины.

Р.Б.: Путь. Дао!

В.Б.: Да. А кто вам близок из современных мыслителей, философов, может быть, ученых? Я понимаю, что их все меньше становится. Был Никита Николаевич [Моисеев], был Раушенбах, Сергей Павлович [Курдюмов]. Наверно, один Чернавский из всей этой плеяды остался. Сергей Петрович ушел от нас в августе 12-го года. Что вы бы оставили следующим поколениям? Что считаете самым важным, через что можно было бы вернуть статус науке, мотив творчества и радости?

Р.Б.: Пока вы говорили, мне стали вспоминаться имена людей, которые тоже ушли из жизни, но которые для меня значили в последние десятилетия много. Налимов Василий Васильевич...

В.Б.: Да-да. Как раз семиотические информационные пространства.

Р.Б.: Моисеев Никита Николаевич. Они же начали с естествознания и вышли на философские проблемы.

В.Б.: Да-да. Налимов признавался, что будучи студентом за границей, в Праге, он там и эзотерикой увлекался. У него были картины мира, в которых эти антропологические пространства совершенно не так представлялись, как в Советском Союзе. Как нечто загадочное и так далее. Там своя была предыстория.

Р.Б.: Последние его книги очень серьезные.

В.Б.: Я думаю, что это еще будет востребовано, потому что когнитивные науки без налимовской модели просто обеднены.

Р.Б.: Я с ним дважды встречался. В первый раз у Мейена Сергея Викторовича, в Институте геологии, в его комнатке. Втроем мы беседовали. А другой раз была конференция в Сортавале, по-моему. Он там делал доклад.

В Москве, бывает, я захожу в Институт философии в отдел синергетики, к вам. В Институт прикладной математики к Малинецкому. Когда был жив еще Сергей Павлович Курдюмов, к нему заходил, однажды именно он провел меня через охрану, на этаж, как-то получилось случайно, я стеснялся.

В.Б.: Рэм Георгиевич, я очень благодарен вам за сегодняшний разговор, потому что мало людей, которые могли бы просмотреть огромный период и связать еще довоенные эпохи через время славы и надежды нашей науки. Такого времени не будет больше, наверно, не только в СССР, это мировой процесс. Хочу пожелать вам здоровья еще раз и надеюсь, что мы с вами будем и дальше сотрудничать. Спасибо!